

О. Павляк

«Уроки» Ивана Великопольского в рассказе А.П. Чехова «Студент»

Едва ли будет преувеличением сказать, что рассказ А.П. Чехова «Студент» по количеству интерпретаций превосходит любое произведение этого писателя. Одна из причин такого интереса — в неожиданном для чеховского мира совмещении предельно реалистической ситуации с ситуацией мистического содержания. Само это совмещение и смыслы, им скрывааемые, делают природу рассматриваемого текста принципиально неисчерпаемой. Данное прочтение — еще одна попытка ответить на вопросы, которые для автора этой работы по-прежнему остаются открытыми...

Герой рассказа Иван Великопольский — студент духовной академии и, следовательно, готовится стать священником. Выбор профессии, очевидно, был предопределен, так как Иван — сын дьячка, а по обыкновению сын церковного служителя продолжал дело отца. Ему 22 года, и живет он в беспросветной бедности. Мы застаем героя, идущего с охоты домой. И путь, и дом, к которому он идет, в ореоле евангельской истории обретают духовный смысл, что неоднократно отмечалось многими исследователями. В частности, И.А. Есаулов рассматривает этот путь как «возвращение домой блудного сына»¹, В.И. Тюпа обозначает его как «восхождение»², А.П. Чудаков — как уход от «чисто физиологических моментов», «мрачных размышлений героя о бедности... к совсем другим, радостным мыслям»³. Безусловно, герой показан в движении — как в пространственном, так и в духовном аспекте. Принимая это как очевидную и блестяще исследованную истину, рассмотрим путь героя в несколько ином интерпретационном ракурсе.

Рассказ Чехова называется «Студент». По мнению А.В. Злочевской, «название его — банальнейшее из банальных»⁴. Просмотр всего массива названий чеховских произведений привел к выводу, что в своем большинстве они делятся на несколько групп. Вот некоторые из них: *по именам и фамилиям героев* («Агафья», «Верочка», «Володя», «Гриша», «Ионыч», «Иван Матвеевич», «Гусев», «Иванов» и т.д.); *по обозначению эмоций*

(«Горе», «Любовь», «Несчастье», «Радость» и т. д.); *по месту и времени события* («В бане», «В Москве», «На охоте», «На пути», «На страстной неделе», «Весной», «Осенью» и т. д.); *по профессиональной принадлежности* («Драматург», «Корреспондент», «Следователь», «Учитель», «Учитель словесности» и т. д.).

Мы ограничились этими группами, исходя из гипотетического предположения о возможности выбора названия к рассказу «Студент» по этим критериям, так как все они в данном случае смыслообразующие.

Имя героя на первый взгляд предельно обыденное — Иван, вполне соответствует его происхождению и нынешнему статусу. Однако Иван — производное от Иоанн. А это имя с евангельской «биографией». И, конечно, в тексте, в котором рассказывается история ученика Иисуса Христа апостола Петра, имя студента (Иван — Иоанн) может вызвать ассоциацию с именем другого Его ученика — апостола Иоанна, тем более что речь в рассказе идет о духовном преображении студента. Звучная фамилия Великопольский плохо соотносится с образом нищего, мучимого голодом и холодом студента, и вместе с тем она в символической форме представляет героя, перед которым открывается в конце рассказа «великое поле» России. Иначе говоря, имя и фамилия героя являются чрезвычайно важным содержательным моментом рассказа. Но Чехов не называет свой рассказ «Иван Великопольский».

Не выносятся в название итоговые эмоции («радость», «счастье»), свидетельствующие о перерождении героя. Пространственно-временные ориентиры, а в первоначальной редакции рассказ назывался «Вечером», хотя и организуют сюжет, также не становятся ключевым обозначением текста. Понимая всю меру некорректности проделанной операции (разумеется, давать название — исключительно авторская привилегия), объясняем это единственной целью: подчеркнуть принципиальную значимость именно этого названия — «Студент».

Выше упоминалась еще одна группа рассказов, названия которых указывали на профессию героя. В данном случае Иван Великопольский, хотя и определился с профессией, но не обрел ее в полной мере, он учится. Таким образом, в названии рассказа запечатлен сам процесс ученичества.

Исходя из этого, предлагаем рассмотреть все события, происходящие с Иваном Великопольским, как уроки его жизни.

Название рассказа представляет два структурных уровня сюжетного пространства рассказа: эмпирический — тем, что маркирует общественный статус героя, и метафизический — тем, что фокусирует процесс его духовного движения.

Эмпирический уровень сюжетного пространства — это фабульная история нищего студента, возвращающегося с охоты, все то, что А.Г. Горнфельд назвал «простой, жизненной реальной обстановкой»⁵. И тут, как

справедливо заметил М.М. Гиршман, «почти ничего не происходит»⁶. Другой уровень сюжетного пространства — метафизический, здесь развиваются события мистического порядка, преображающие героя, приводящие его к открытию «высокого смысла» в жизни. История отречения Петра, рассказанная студентом, на эмпирическом уровне представляет собой фрагмент биографии апостола. Это часть, делегирующая целое, и на метафизическом уровне сюжетного пространства образ апостола Петра выступает в биографической целостности, а значит, и в неразрывной связи с жизнью, учением и искупительным подвигом Иисуса Христа. Возможность такого «делегирования» обеспечена христианским знанием читателя, без которого интерпретация рассказа будет недостаточно полной.

Отношения между эмпирическими и метафизическими уровнями не линейные и последовательные (то есть сначала студент идет с охоты, и потом вдруг с ним происходит чудо преобразования), а взаимно пересекающиеся. Эмпирические события попадают в зону метафизического пространства и начинают его отражать. Возникает эффект двоения. Например, студент идет домой (Домой). На эмпирическом уровне дом — это сени, в которых «мать, сидя на полу, босая, чистила самовар, нищета, голод»⁷. В более широком смысле дом — это «соломенные крыши, невежество, тоска... пустыня кругом». На метафизическом уровне дом — это Дом божий, вместилище истинных ценностей, и прежде всего веры.

Даже в самых, казалось бы, реалистических фрагментах текста есть знаки метафизического пространства, заставляющие эмпирическое событие отражать мистическое. «Чудо преобразования», со всей очевидностью прозвучавшее в финале, имеет свою протяженность от предвестия о нем до его свершения. В соответствии с этим положением рассмотрим начало повествования.

Рассказ начинается авторским описанием. Его смысловая ось — смена погоды и настроения («Погода вначале была хорошая, тихая. ... некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, все смолкло»). Возникает контраст «было» — «стало». Контраст *звуковой* («гудело», «выстрел прозвучал раскатисто и весело» — «все смолкло», «стало глухо»); *световой* (было светло — «стемнело»); *эмоциональный* («весело» — «неуютно, глухо, нелюдимо»); *временной* («весенний ветер» — «запахло зимой»).

Причина внезапных перемен — «подул с востока холодный пронизывающий ветер». В реалистическом описании указание на то, что ветер подул «с востока», выглядит как уточняющая подробность. Однако на уровне метафизического пространства слово *восток* представляет евангельское событие и является мистическим знаком великой трагедии. Реалистическая подробность, попав в зону отражения метафизического пространства, начинает восприниматься как предвестие мистического переворота, который предстоит пережить герою. Ветер «с востока», принесший с собой холод и

мрак, на чувственном уровне воспроизводит атмосферу далеких событий, закрепленных в сознании христиан как страстная пятница. Это день смерти Иисуса Христа. «Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: И померкло солнце, и завеса в храме разодралась по середине. Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! В руки Твои предаю дух Мой. И сие сказав, испустил дух» (Лк. 23, 44—46). События в рассказе происходят в страстную пятницу через девятнадцать веков после описанного в Евангелии события. Ассоциативная связь между ними не в последнюю очередь устанавливается с помощью образов света и тьмы.

Иван Великопольский воспринимает перемены в природе, казалось бы, исключительно на физиологическом уровне («У него заоченели пальцы, и разгорелось от ветра лицо»). Однако более внимательное рассмотрение этой фразы в контексте метафизического пространства открывает новый смысл. Студенту холодно («заоченели пальцы»), но «ветер с востока» принес с собой не только мрак и холод смерти, но и огонь будущего воскресения Христа, излучающий свет («разгорелось лицо»). Далее несобственно-прямая речь передает знаменательное событие внутренней жизни героя, которое обычно не выводят за рамки физиологического. «Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод *нарушил во всем порядок и согласие*, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно. Только на вдовьих огородах около реки светился огонь».

Мысль о нарушении «во всем порядке и согласия» имеет глубокое философское содержание. Зима, завершающая годовой цикл, не может и не должна менять природный ход времени. Кроме того, зима в мифопоэтической традиции связана с понятием смерти, весна — с началом жизни. В тексте есть прямое указание на то, что герой, застигнутый непогодой, воспринимает происходящее как нечто превосходящее сущность природных явлений («самой природе жутко»). Нарушение «во всем порядке и согласия» — это утрата мировой гармонии, в христианском контексте она имеет вполне определенную причину — смерть Иисуса Христа: «И сделалась тьма по всей земле <...> и померкло солнце» (Лк. 23, 44—45). «Мир оставлен Богом; нет в нем центра, нет цели, нет смысла. Бог умер на кресте: это значит, что распалась живая связь вселенной, ибо нет того, что сообщало единство всему ее стремлению, нет того, что содействовало ее *единым космосом*. И оттого эта надвинувшаяся на мир гроза и буря, этот вихрь всеобщего, космического разрушения. Земля сотрясаясь, камни распались, померкло солнце, потухли разом все огни, освещавшие вселенную, и нет уже ничего на свете, кроме этой беспросветной тьмы, — ни Бога, ни человека, ни мира»⁸.

Этот «урок» «студента» — еще не урок знания или веры, это «урок» мистического соединения с великим Событием.

Иван Великопольский, сын дьячка и будущий священник, человек воцерковленный, ежедневно соприкасающийся со словом Божиим, участвующий в церковной службе, тем не менее отправляется в страстную пятницу на охоту... Очевидно, находясь в церкви с детства, он тем не менее воспринимает знание о Боге обытовленно, не сердцем. И мы застаем студента в момент обретения первого мистического опыта. Он еще не понимает, что произошло (недаром употреблен глагол «казалось»), мимолетное мистическое озарение даже не оформилось в понятное ему чувство, как уже было отодвинуто бытовыми воспоминаниями о доме. И все же откровение коснулось героя и станет в будущем основой для его преобразования.

Мистическое и еще не осознанное чувство заставляет студента по-новому воспринимать мир. Начинается путь его «ученичества». Оказавшись в *окружении* мрака, холода, одиночества (в тексте не раз повторяется слово «*кругом*»), герой как бы оказывается в *замкнутом круге*, на символическом уровне воспринимаемом как *круг* смерти. «*Кругом* было пустынно и как-то особенно *мрачно*. Только на вдовьих огородах около реки *светился огонь*». Выход из мертвящего круга обозначен светом огня, который в ореоле метафизического пространства вызывает ассоциацию, связанную с укреплением веры. На эмпирическом уровне путь студента определяется физиологическими причинами: он идет к людям, чтобы согреться у костра. На метафизическом — он движется к своему духовному рождению, к «радости» и «правде». Векторы движения то сменяют друг друга, то пересекаются, взаимно отражаясь. «*Ему казалось*» — время мистического переживания. «*Студент вспомнил*» — время, переносящее его в недавнее прошлое, — это бытовые воспоминания о доме. («И теперь, пожимаясь от холода, *студент думал* о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре... такая же пустыня *кругом*, мрак, чувство гнета — все эти ужасы были, есть и будут».) Переживание настоящего времени соединяет далекое прошлое с настоящим и будущим в единый круг. И вновь *круг* — «было, есть и будет». Примечательно, что теперь уже герой, а не автор обнаруживает причину возникновения этой ассоциации — «точно такой же ветер дул», то есть такой же, как «ветер с востока». Напоминаем, что «ветер с востока» на метафизическом уровне пространства — это ветер, приносящий весть о смерти Иисуса Христа. И весь мир, данный герою зрительно, через ощущения и интеллектуальные знания, воспринимается под знаком умирания. «Пустыня *кругом*, мрак» — это описание жизни, скорее, свидетельство ее отсутствия. На таком фоне вывод о том, что так «было, есть и будет... жизнь не станет лучше», представляет мир, охваченный тотальной трагедией. Новое ментальное переживание никак не соотносится героем с мистическим чудом преобразования, которое в нем уже происходит. Весь ужас мира явлен ему

в момент смерти Иисуса Христа. Важно заметить, что с этим Событием связано страшное «мгновение Богооставленности», переживаемое Христом, «которое заставило Его в ужасе воскликнуть: Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?»⁹. Студенту передается это состояние Богооставленности через личностное и глубокое переживание пустоты и мрака. И теперь, пройдя через это испытание, он перейдет к своему следующему этапу на пути ученичества — познанию вечного Богоприсутствия.

На эмпирическом уровне сюжетного пространства начало этого этапа знаменует появление героя на вдовьих огородах, у костра — «огороды назывались вдовьими потому, что их содержали две вдовы, мать и дочь. Костер горел жарко, с треском, освещая далеко кругом вспаханную землю». Эти фразы переводят предшествующую картину в противоположный смысловой и эмоциональный регистр. Вновь возникает контраст «было» — «стало», как и в начале рассказа, но в зеркальном отражении. *Было: холодно, мрачно, пустынно — стало: «костер горел жарко ... освещая далеко», и рядом появились люди («две вдовы, мать и дочь»)*. Прежнее состояние связано с возвратом зимы, теперь — благодаря свету костра — стала видна «вспаханная земля», что является безусловной приметой весны, начала жизни. Возникшая ассоциация укрепляется образом круга («далеко кругом»), в данном случае символизирующим возрождение и полноту жизни. Именно здесь у огня, среди людей, студент рассказывает двум женщинам евангельскую историю апостола Петра. Почему именно эта история вспомнилась ему в данный момент? На поверхности, так сказать, физиологическая причина: студенту холодно, он греет руки у костра, «так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр... Значит, и тогда было холодно». Слово «значит» запечатлевает сам момент нового, личного постижения евангельского события и соединения себя с ним. Студент прекрасно знал, что произошло той ночью, не раз слушал, в том числе и накануне в четверг, двенадцать Евангелий, знал, а сейчас почувствовал через собственное состояние. Однако холодно было в ту ночь не только Петру, но и, прежде всего, Иисусу, чью искупительную смерть оплакивают в пятницу все православные христиане. Почему в пятницу студент вспоминает события четверга? Почему не Иисус в центре его внимания? И, наконец, почему именно Петр?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо вспомнить евангельскую историю апостола Петра, которая хотя и не присутствует в тексте целиком, но входит в зону метафизического пространства как внетекстовая реальность. Петр, некогда рыбак по имени Симон, и его брат Андрей были первыми учениками Иисуса Христа. В момент первой Встречи Иисус наречет его символическим именем Петр, то есть камень, а позднее провозгласит: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ея» (Мф. 16.18). Он знал о могуществе Учителя, но, ко-

нечно, не в полной мере. Петр и остальные апостолы «ждали Мессию, как воинственного Царя Израилева»¹⁰. Такой Царь не мог страдать, не мог умереть. А тут Иисуса — Мессию, будущего «Царя Израилева» — приковывают к позорному кресту... Отречение Петра от Иисуса — вполне понятное проявление маловерия и слабости. «Небесному угодно было привести Апостолов к сознательной вере путем постоянных сомнений, кажущихся нам даже обидными. Только дошедши таким путем до сознательной непоколебимой веры в Иисуса Христа как воплотившегося Бога, они могли выступить убежденными проповедниками и победить языческий мир»¹¹. В рассказе довольно подробно, с момента Тайной вечери, воспроизводится ситуация отречения Петра: «Говорю тебе, Петр, не пропоет сегодня петел, то есть петух, как ты трижды отречешься, что не знаешь меня» — является продолжением диалога Иисуса с Петром, в котором Петр говорил: «Господи! Куда Ты идешь?» Иисус отвечал ему: «Куда Я иду, ты не можешь теперь за Мной идти, а после пойдешь за Мною». Петр сказал Ему: «Господи! Почему я не могу идти за Тобою теперь? Я душу мою положу за Тебя» (Ин. 13.36). Предсказание Иисуса об отречении Петра толкователь Евангелия Б.И. Гладков объясняет тем, что Иисус «предостерегал его от самоуверенности... Посылая Своих Апостолов на проповедь и зная, с какою злобой отнесется языческий мир к новому учению любви и милосердия, Иисус должен был предупредить их о предстоящих им опасностях. <...> И если над Ним исполнится пророчество и Его, распиная, причтут к злодеям, то чего же должны ожидать они, ученики Его? Неустойчивость в убеждениях, маловерие и слабохарактерность должны были смениться силою глубоко убежденной веры»¹². Пройдя муки совести, Петр начнет свой путь «к сознательной вере».

Впереди великая Встреча воскресшего Иисуса со своими учениками. И именно ему, еще недавно проявившему слабость, Иисус скажет: «Ты иди за мной»; и именно ему, в недавнем прошлом грешнику и отступнику, Иисус доверит свою паству: «Паси овец моих» (Ин. 21.17). И Петр, воспринявший Дух Святой, осуществляет свое предназначение — становится «камнем» в основании Церкви, учителем для всей христианской паствы, первоверховным апостолом. Приняв мученический венец, он обретает ключи от Небесного Царства.

Путь к «сознательной вере», невозможный без телесных и душевных мук, сближает апостола Петра и Ивана Великопольского на уровне метафизического пространства.

В рассказе и Петр, и студент показаны накануне великого События Воскресения. Сейчас им холодно и страшно, они слабы и немощны. Студент воспринимает Петра очень лично и не как апостола, а как просто человека («бедный Петр», «изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли, не выпавшийся»). Далее история восхождения Петра

к Свету из внетекстовой реальности рассказа ассоциативно начинает «до-страивать» текст. Грешный Петр благодаря его любви к Иисусу, сущность которой — в безграничном доверии Богу («Господи, Ты сам знаешь»), своей жизнью показывает путь человека к Богу. Петр — ученик Иисуса, поставленный им учить, вести за собой паству. Потом, спустя годы, он обратится с письмом к руководителям церкви и молодежи с такими словами: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться. Пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно» (Послание 1. Пет. 5.1—2). Апостол Петр называет себя «сопастырем», провозглашая тем самым свое единение с пастырским миром. Его письмо обращено в том числе и к студенту, будущему священнику. Таким образом, на уровне метафизического пространства апостол Петр и студент объединены общей миссией пастырства. Святой дух, некогда сошедший на апостолов, достигает Ивана. И если Петр — ученик Иисуса, то студент — ученик Петра. В этом, наверное, и состоял главный урок Ивана Великопольского. Он, студент, говорит Слово Божие Василисе и Лукерье, и эти две женщины — его первая паства. Студент — действительно и «не принужденно» — становится «учеником» и «учителем».

Очень важно обратить внимание на причинно-следственную связь событий: студент рассказывает евангельскую историю о Петре. Закончив рассказывать, он «вздохнул и задумался»; «Василиса вдруг всхлипла... заслонила рукавом лицо от огня», «Лукерья покраснела, и выражение лица у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль»; студент «думал о Василисе» и, наконец, его вывод: «если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра». В своем размышлении студент объединил апостола Петра и деревенскую бабу Василису. На метафизическом уровне сюжетного пространства движение к этому единству прочитывается следующим образом: *Бог Отец* через *Иисуса Христа* ниспослал Святой Дух Петру, и тот истинно уверовал в Учителя; *Петр*, благодаря своей любви к Богу и силе Святого Духа, пройдет путь от тьмы к свету, от неверия к вере, силой Слова Божьего и своего личного мученического подвига поможет своему «ученику» познать всю полноту Бога; *Студент*, будущий священник, передает свое «знание» пастве, которую в рассказе представляют *Василиса и Лукерья*. Это и есть метафизическая «цепь событий», которую почувствовал студент. «Прошное, думал он, связано с настоящим непрерывной цепью событий, вытекающих одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

Думая о Василисе и ее дочери, студент пытается ответить на внутренний вопрос о сути связи прошлого с настоящим, он в состоянии предощущения открытия. Отсюда и такое словоупотребление: «какое-то отношение», «очевидно», «вероятно». И ведь он сам не дает на это ответа, прошлое связано с настоящим, но чем? Почему Василиса «всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра»? Ответ следует искать на метафизическом уровне сюжетного пространства. Дело в том, что здесь передается сам момент мистического соприкосновения со Святым Духом. Это очевидно на мифопоэтическом уровне текста. В рассказе, разумеется, не случайно указывается, что «ветер подул с востока», именно с этого началось изменение в мире, окружающем героя, и в нем самом, от мрака студент идет к «огню», «свету костра»; Василиса закрывает «лицо от огня», а Лукерья, находясь рядом с огнем, «покраснела». Конечно, все вышеуказанное имеет вполне реалистическое толкование, однако в соположении с библейской историей и самим библейским текстом, который, как известно, глубоко символичен, даже самые обыденные действия («холодно и темно» — «пошел к костру», «ослепил свет огня» — «закрывает лицо» и т. д.) лишаются исключительно реалистического статуса. Это не похожий, а тот же «костер», возле которого грелся Петр перед отречением, и тот же «костер», возле которого Петр вместе другими рыбаками передавали друг другу хлеб и рыбу, и Он был среди них. Это «костер», возле которого произошла Встреча девятнадцать веков назад, и это тот же «костер», возле которого произошла встреча студента и двух женщин с Ним. И отсвет этого костра «дрожал» на работнике, возвращающемся с реки. От такого «огня» заслонила лицо Василиса, не в силах вынести его яркой силы, и словно открылась жизни «забитая» Лукерья. Вне понимания того, что в рассказе речь идет о реальной Встрече с Богом, смысл происходящего ускользает. Почему студент духовной академии, который позволяет себе охотиться в Страстную пятницу, вдруг задумывается о Петре и затем делает открытие о связи времен? Почему Василиса, с лица которой «все время не сходила улыбка», заливается «крупными», «изобильными» слезами? Почему она, зная Евангелие, вдруг как будто впервые узнает о Петре, и почему она так лично «заинтересована»? Почему Лукерья, которая до этого «щурилась», «молчала» и имела выражение, «как у глухонемой», вдруг оживает? На все эти вопросы нет ответа в реалистической фабуле рассказа. Все мотивировки как будто специально убраны, чтобы с неожиданной силой звучало слово «вдруг». За этим словом скрыто присутствие неожиданного, мистического начала. Произошла «Встреча» — и все изменилось... Мистический опыт Ивана Великопольского преображает его природу. Святой Григорий Палама говорит о таком явлении следующее: «...[человек] получивший во благой удел божественные энергии сам есть как бы Свет, и со Светом находится, и вме-

сте со Светом сознательно видит то, что без такой благодати скрыто для всех»¹³. Этот свет и приносит студент Василисе и Лукерье.

«И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух». Возникшая радость также абсолютно не мотивирована, внешне ничего не изменилось, продолжал дуть «жестокый ветер». Это радость открытия, понимания сути мироустройства: «правда и красота... всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле». Природа этой радости, в силу своей принципиальной немотивированности на уровне эмпирического пространства, может быть отнесена только к сфере пространства метафизического. По существу, Чехов запечатлел сам момент сошествия Божьей благодати. «Это постоянное участие Бога в мире засвидетельствовано Господом Иисусом Христом в словах: “Отец Мой доныне делает” (Ин. 5, 17). Бог любит мир и потому, что Он сам есть любовь, т. е. самая жизнь Бога выражается в любви, но и потому еще, что мир ищет Бога, ищет Его помощи, Его участия. Обычно это участие Бога в жизни мира называется Промыслом — и это понятие выражает точно участие Бога в мире. <...> реальность Промысла *совпадает с реальностью* Бога. <...> Участие Бога в жизни мира выражается в тех *токах благодати*, которые изливаются в мир»¹⁴. «Благодать дает знать себя как радость, мир, внутреннее тепло, свет»¹⁵. В христианском контексте Правда и Красота представляют божественную сущность.

Ивану Великопольскому открывается связь времен, и жизнь начинает казаться «восхитительной, чудесной и полной высокого смысла». Все изменилось в душе студента, Василисы, Лукерьи, а мир, на первый взгляд, остался прежним: «Дул жестокий ветер... и не было похоже, что послезавтра Пасха». Это выражение — «не похоже», — казалось бы, предельно бытовое, имеет огромное значение в христианском контексте рассказа. Мир прежний и новый одновременно. «Не было похоже», и в то же время — «узкою полосой светилась холодная багровая заря».

Точное указание на то, что события происходят в Страстную пятницу, включает Ивана Великопольского, Василису и Лукерью в общее для всех христиан противочувствие: личностное переживание смерти на кресте земного Иисуса Христа («и страдавша и погребенна») сплетено с непоколебимой верой в его вечное Царствование («его же Царствию не будет конца»).

На метафизическом уровне сюжетного пространства рассказа оба события Страстной недели — Четверга и Пятницы — объединены. Студент рассказывает о событиях Великого Четверга, но происходит это в момент смерти Иисуса на кресте, весть о которой донес «восточный ветер». Таким образом, события налагаются одно на другое. Иван вспоминает о Петре и одновременно мистически переживает смерть Иисуса.

История Петра, рассказанная студентом, вместе с ее внетекстовым продолжением — это история восхождения к истинной вере, дающая надежду и самому студенту, и Василисе, и Лукерье.

В этом и состоит ответ на вопрос, почему студент говорит в Страстную пятницу, в день смерти Спасителя, именно о Петре и почему Василиса «всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра». Слезы Василисы — это слезы жалости и сочувствия к Петру, но это и слезы откровения. Страдания и сострадание приводят героев рассказа к «соборному единению»¹⁶.

«Уроки» апостола Петра с помощью Божией благодати позволили студенту в прежнем мире открыть новый. Иван Великопольский не стал богаче, ему не стало теплее, и в мире не убавилось «бедности», «голода» и «невежества», но он обрел веру. Финал истории студента-«ученика» воспринимается как пролог его будущей жизни «учителя».

---

¹ Есаулов И.А. Пространственная организация литературного произведения и православная традиция // Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 146.

² Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. М., 1989. С. 119.

³ Чудаков А.П. Мир Чехова. М., 1986. С. 329.

⁴ Злочевская А.В. Рассказ А.П. Чехова «Студент» // «Русская словесность». 2001. № 8. С. 24.

⁵ Горенфельд А.Г. Примечания к рассказу // Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 18 т. М., 1986. Т. 8. С. 505.

⁶ Гиришман М.М. Гармония и дисгармония в повествовании и стиле // Типология стилизованного развития XIX века. М., 1997. С. 367.

⁷ Текст цитируется по изданию: Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 18 т. М., 1986. Т. 8. С. 306—309.

⁸ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1984. С. 63.

⁹ Антоний, митрополит Сурожский. Во имя Отца и Сына и Святого Духа: Проповеди. С. 266.

¹⁰ Гладков Б.И. Толкование Евангелия: Репринтное издание. СПб. 1913. С. 664.

¹¹ Там же. С. 666.

¹² Там же С. 599.

¹³ Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы. 22-я беседа св. Григория Паламы. Афины, 1861. С. 175—177; цит. по: Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. М., 1991. С. 168.

¹⁴ Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М., 1996. С. 269.

¹⁵ Лосский В.Н. Указ. соч. С. 169.

¹⁶ Есаулов И.А. Указ. соч. С. 148.

